

УДК 821.112.2

DOI: 10.25688/2076-913X.2021.43.3.02

Ю. В. Красовицкая

Бегство и возвращение: осмысление феномена эмиграции в рассказах Анны Зегерс

На примере произведений Анны Зегерс — «Крисанта» и «Прогулка мертвых девушек» — в статье рассматривается проблема осмысления феномена эмиграции. Знаменитая немецкая писательница вынуждена была покинуть Германию после прихода к власти национал-социалистической партии. Личные переживания оказали важное влияние на художественный мир ее произведений. Анализ женских образов в новелле и рассказе позволяет лучше понять психологию изгнанника и приводит к переосмыслению понятий «родина», «родной дом».

Ключевые слова: эмиграция; возвращение; родина; женский образ; автобиографические черты.

В XX веке проблема эмиграции приобрела особую актуальность и ярко отразилась в литературе. Знаменитая немецкая писательница Анна Зегерс вынуждена была покинуть родную страну вскоре после прихода к власти националистов. В 1941 г. она переехала из Европы в Мехико, и в Германию из своей мексиканской ссылки вернулась лишь в 1947 г. Рассказ «Прогулка мертвых девушек» и новелла «Крисанта» вышли в свет до и после этого рубежа — в 1946 и 1951 гг. Писательнице удалось с удивительной выразительностью показать в них, как ломаются человеческие судьбы под гнетом безжалостных социальных и экономических условий жизни. В то же время созданные женские характеры отличаются необыкновенной стойкостью и упорством [13, S. 165]. В обоих небольших произведениях тема потери дома, опоры, ощущения защищенности становится центральной. И в этом прослеживаются автобиографические черты.

Мексика была одним из важных центров, куда стекались эмигранты из нацистской Германии. Анна Зегерс продолжала активно работать в новых условиях. Она принимала участие в создании клуба имени Генриха Гейне и вскоре стала его президентом. При этом самую атмосферу жизни в изгнании для нее в первую очередь характеризовали «бесконечные и бесцельные эмигрантские ссоры» (*uferlose und fruchtlose Streitigkeiten der Emigrationsatmosphäre*) [9, S. 228]. В них находили отражение наиболее острые политические споры, интересы и убеждения социалистического лагеря, к которому писательница имела непосредственное отношение [4, с. 16]. Тем не менее она придерживалась

убеждения, что прежде всего всем стоит сплотиться против основного зла — фашизма — и наметить общие и культурные перспективы развития [14, S. 430].

Анна Зегерс интересовалась жизнью Мексики и современным мексиканским искусством, которое создавали непрофессиональные художники (*volkstümliche Künstler*) и которое имело столь важное значение для творческого народа (*künstlerisches Volk*) [6, S. 45]. Именно культурному, а не политическому аспекту писательница (отчасти не по собственной воле, а в результате сложных взаимоотношений с социалистическим лагерем ГДР) посвятила себя и после возвращения в Германию. Однако она неоднократно подчеркивала в частной переписке свое одиночество в некогда родной, но за прошедшие годы столь сильно изменившейся стране.

В Германии А. Зегерс тосковала по прожитым за океаном годам, по общей атмосфере духовного единства и надежды на возрождение [12, S. 66, 158]. В одном из интервью вскоре после возвращения она рассказала о своей бесконечной благодарности по отношению к стране, принявшей ее в тяжелые времена. Мексика стала для нее нежной и заботливой приемной матерью [7, S. 421]. И это сравнение приобретает особое значение в новелле «Крисанта», где главная героиня также воспитывается в приемной семье. Обращение к мексиканской, экзотической для европейца жизни в этом контексте можно рассматривать двояко: как стремление приблизить чуждое и как попытку взглянуть на происходящее в родной стране через призму иной, но ставшей невероятно близкой культуры.

Главной героиней новеллы является женщина, как и в более раннем рассказе «Прогулка мертвых девушек». После возвращения на Родину женские образы все чаще выходят на первый план в произведениях писательницы. Отчасти это можно объяснить поиском своего собственного места в новой Германии. Переживания, связанные с необходимостью самоопределения, заставляют искать духовные опоры. В обоих произведениях их удастся найти в прошлом, и каждый раз они связываются с образом матери.

Крисанта после всех пережитых страданий (предательства возлюбленного, жизни проститутки, невыносимой бедности) возвращается в родное селение и пытается продолжить там свою былую нормальную жизнь, начавшуюся в доме приемной матери, под ее синим ребосо.

Как заключительный аккорд новеллы звучат слова надежды на возможность нового начала, столь важного для возрождения жизни: «Однажды порыв ветра поднял тучу пыли, засыпав улицу и прохожих. Крисанта быстро сунула голову под шаль к ребенку. Люди, едва различимые сквозь пыль, спешили мимо нее. И вдруг она вспомнила то место, где была когда-то ребенком. Вспомнила эту ни с чем не сравнимую, непостижимую синеву, такую густую и темную. Это было ребосо, шаль госпожи Гонсалес, а за ним, теперь она это знала, катились людские волны — ее народ» [1] — «Einmal kam ein Windstoß, der Straße und Menschen mit Staub bedeckte. Crisanta steckte ihren Kopf schnell unter

das Tuch zu dem Kind. Die Menschen drängten undeutlich im Staub vorbei. Auf einmal fiel ihr der Ort wieder ein, an dem sie als Kind gewesen war. Das unvergleichliche, unbegreifliche tiefe und dunkle Blau. Das war der Rebozo, das Umschlagtuch der Frau González gewesen, und was dahinter strömte, ihr Volk» [10, S. 34].

Подобный конец придает новелле некоторую утопичность. Возвращения Крисанты к нормальной жизни, кажется, уже никто не ожидал. Но, более того, она находит источник того загадочного синего цвета, дарившего ей в самом раннем детстве ощущение защищенности. Это придает ей сил и уверенности. Происходит своеобразное воссоединение с корнями, с прошлым, с приемной матерью — той женщиной, которая ее оберегала, пусть даже только совсем маленькую, от всех окружающих трудностей, неурядиц, боли и разочарования, приходящих извне, от чужих людей. Теперь героиня сама становится матерью и синее ребосо снова приобретает свое символическое значение. Оно снова окутывает младенца материнской заботой и небесной синевой.

Мотив возвращения и поиска защиты в прошлом приобретает важное значение и в рассказе «Прогулка мертвых девушек». Главная героиня в воспоминаниях снова становится юной и смотрит на бывших одноклассниц и все происходящее в далекие довоенные годы уже иными глазами, глазами всезнающего потомка. Путешествие сквозь туман памяти позволяет Нетти еще раз увидеть мать, стоящей на балконе их дома. Фигура матери ассоциируется в ее сознании с ощущением теплоты, защищенности, счастья. Однако столь желанное воссоединение не может стать реальностью. «Я еще смутно подумала: “Как жаль! Мне так бы хотелось, чтобы мать обняла меня!”» [2] — «Ich dachte noch schwach: *Wie schade, ich hätte mich zu gern von der Mutter umarmen lassen*» [11, S. 362].

Былую родину не вернуть так же, как не воскресить родителей (отец Анны Зегерс умер в начале войны от инфаркта, а мать во время транспортировки в концентрационный лагерь) [6, S. 248–249]. Пелена застилает глаза Нетти, окутывает тело бессилием, одурманивает. Соприкосновение с реальностью внушает страх. Мысленное возвращение к прошлому можно интерпретировать как попытку бегства, но сама героиня понимает тщетность этого замысла. Отныне ее задача заключается в сохранении тонких невидимых нитей между прошлым и будущим. Школьное сочинение о совершенной в далекой юности прогулке (невыполненное задание учительницы, к которому героиня возвращается по прошествии многих лет) становится хрупким мостиком, который должен помочь не только лучше понять произошедшие события, их причины и следствия, но и соединить в сознании два мира и две родины — до и после войны. Для того чтобы жить дальше, необходимо сломать стену неприятия и отчуждения. И это можно сделать, только если связать новый мир с чем-то знакомым, любимым, родным. Пусть даже полноценное возвращение к прежнему и останется недостижимой мечтой.

Показательно, что воспоминания всплывают в сознании Нетти в ином — мексиканском — мире. Из изначально чужого пространства она перемещается в ставший чужим свой бывший родной город. Появляющиеся в памяти образы

помогают оживить его и таким образом сделать шаг к возвращению и осмыслению произошедшего. Это лишь первая попытка. Героиня очень медленно приходит в себя после перенесенной болезни и после невероятного духовного потрясения, спровоцированного войной и связанными с ней событиями. Она еще не готова вернуться, даже эта мысль пока не посещает ее. Она радуется, что у нее хватило сил снова добратся до мексиканской фермы, где ее приютили. «Пробуждение» от нахлынувших воспоминаний в тот момент, когда образ матери был так близок, отзывается в ее душе болью и тоской. Кругом снова кактусы и изнуряющий зной. И все же здесь нет страха. Окружающие люди смотрят на нее равнодушно, но это равнодушие не идет ни в какое сравнение с предательством друзей, о котором девушка узнает позже. Неискренность, ложь, преступный эгоизм близких людей в годы войны меняют картину прошлого, придают ей холодный блеск, превращают улыбку в усмешку и радость в иронию.

В этих переживаниях отчетливо наблюдается процесс рефлексии, многие автобиографические черты [3, с. 35]. Сама Анна Зегерс неоднократно пишет о неприглядности того, с чем она столкнулась после возвращения: «Теперь я проехала эту заколдованную страну из конца в конец. Везде все то же: страх перед зимой, страх перед большим голодом, от которого они без сомнения повсеместно страдают. И к тому же у меня самой ощущение, как, пожалуй, у большинства людей с подобным образом мыслей: что они сами во всем виноваты и ни за какую цену не хотят понять эту логическую связь. И страх, и голод еще больше деформируют их, делают жестче и хуже, до такой степени, что это невозможно себе вообразить, ведь и страна, и народ не чужие»¹ — «Jetzt habe ich dieses verhexte Land von einem Ende zum anderen durchreist. Überall dasselbe: Angst vor dem Winter, Angst vor noch größerem Hunger, den sie ohne Zweifel überall haben. Und dabei in mir selbst, wie wohl in den meisten Menschen mit denselben Gedankengängen: dass sie selbst daran schuld sind und um keinen Preis einen Zusammenhang verstehen wollen. Und die Angst und der Hunger machen sie noch deformierter, noch härter und schlechter, wie man es sich garnicht [sic] vorstellen kann, denn schließlich ist einem ja Land und Volk nicht fremd» [12, S. 137–138].

Больше всего, пожалуй, в этих строках бросается в глаза затуманенность сознания современников и их упорное нежелание брать на себя какую-либо долю ответственности. Подобную реакцию вполне можно понять с психологической точки зрения, однако она указывает на определенное противоречие. Самооправдание должно базироваться на неких аргументах, подразумевающих способность человека анализировать, выстраивать причинно-следственные связи. По ощущению писательницы, напротив, уверенность окружающих в своей правоте больше напоминает дурман, колдовство.

Отголоски этого состояния мы видим в обоих рассматриваемых произведениях. Нетти и Крисанта становятся игрушками в руках судьбы. В момент отъезда и возвращения в родные края обе девушки как будто не понимают

¹ Перевод мой. — Ю. К.

до конца, что с ними происходит. Побег Нетти из Германии не описывается. Возвращение же представляется как далекая мечта, которая заставляет сердце героини учащенно биться: «Одно, только одно могло еще меня вдохновить — возвращение на родину» [2] — «Es gab nur noch eine einzige Unternehmung, die mich anspornen konnte: die Heimfahrt» [11, S. 332]. Однако решится ли героиня вернуться в Европу и сможет ли преодолеть все связанные с этим трудности. Очнувшись от грез и оценивая свое самочувствие, она задается насущным вопросом, но и на него не может дать определенного ответа: «Если я слишком слаба, чтобы подняться, — откуда мне взять силы вернуться в далекое село, где меня ждут к ночи?» [2] — «Wenn ich zu müd bin, hinaufzusteigen, wo nehme ich da die Kräfte her, um mein höher gelegenes Ursprungsdorf zu erreichen, in dem man mich zur Nacht erwartet?» [11, S. 362].

Состояние опустошения и бессилия можно сравнить с бесконечной усталостью людей, переживших трагические потрясения и вынужденных покинуть свой прежний мир. Далеко не у всех в подобной ситуации хватает сил, упорства да и желания возвращаться на родину, тем более зачастую это путешествие (как в случае с Анной Зегерс) связано с целым рядом разочарований.

Крисанта покидает свою родную Пачуку и уезжает в Мехико также по воле обстоятельств. В доме приемных родителей для нее больше нет места, потому что ее половина циновки теперь принадлежит мужу сестры. Героиня по своей привычке не предается глубоким размышлениям, но новая жизнь пугает ее и не зря. В Мехико девушке придется пройти через целый ряд тяжелых испытаний, прежде чем она вернется в родное селение.

В первый раз попадая в город, Крисанта сравнивает его с лесом: «В городе не было одиноких людей. Каждый жил точно дерево в лесу, а не кактус в пустыне» [1] — «Kein Mensch war allein in der Stadt. Er stand wie ein Baum im Wald, er stand nicht einzeln da wie ein Kaktus in der Steppe» [10, S. 13]. Однако через пару месяцев после внезапного отъезда возлюбленного Мигеля девушка остается совершенно одна в огромном городском пространстве, где чувствует себя неуверенно и больше не находит для себя места. Будучи сиротой, понимая, что у нее нет ничего своего, кроме платья и платка, героиня не задумывается о доме или родине. В самые тяжелые моменты жизни ей лишь хочется спрятаться ото всех в своем тайном укрытии, в сказочной синеве, оживающей лишь в ее воспоминаниях.

Возвращение Крисанты в Пачуку происходит благодаря усилиям знакомой — госпожи Мендосы. У самой девушки не хватило бы сил прийти в прежний дом, хотя она этого и желала. Маленькое селение не может похвастаться разнообразной интересной жизнью, но именно здесь героиня снова обретает душевное равновесие. Ее никто не ругает, не вспоминает былые грехи и ошибки. В семье отношение к ней не меняется. И это придает Крисанте смелости и уверенности. Два феномена — дом детства и голубой свет — воссоединяются. Героине не сразу открывается их единство. Она совершенно случайно прячет голову под синим ребосо, которым укрыт ее ребенок,

и происходит чудо: «Ей казалось, что она совсем, совсем одна на белом свете и над ней только синее небо» [1] — «Als sei sie allein für sich von einem besonderen Himmel behütet» [10, S. 9].

Защищая от холода и зноя, синий платок путешествует вместе с девушкой. Она никогда не задумывается о том, где ее родина, и при этом носит сокровенное ощущение родного на своих плечах. Крисанта как будто конструирует окружающий мир в своем сознании [5, с. 120]. И все же каждый раз волшебное чувство покоя незримо связывает ее с домом детства и людьми, вырастившими ее.

В воспоминаниях героини рассказа «Прогулка мертвых девушек» понятие «родина» ассоциируется в первую очередь с детством и юностью, а также с именем Нетти (сокращением от Анна), которым ее называли только в школьные годы: «Когда я лежала больная, в беспомощности, как часто я суеверно ждала, что услышу свое прежнее имя. Но оно было утеряно, это имя, которое, как я, обманывая себя, думала, могло сделать меня здоровой, счастливой и юной, могло вернуть мне спутников прежних дней и прежнюю невозвратно утраченную жизнь» [2] — «Ich hatte sogar, als ich krank und besinnungslos lag, manchmal auf jenen alten frühen Namen gehofft, doch der Name blieb verloren, von dem ich in Selbsttäuschung glaubte, er könnte mich wieder gesund machen, jung, lustig, bereit zu dem alten Leben mit den alten Gefährten, das unwiederbringlich verloren war» [11, S. 333].

Еще одной важной вехой становится восприятие и осмысление родины как родного края: «Меня потянуло поближе к воде. <...> Чем дальше оглядывалась я все вокруг, тем свободнее становилось дышать, тем сильнее наполнялось радостью сердце. <...> При одном только взгляде на милый холмистый край грусть отступала, и вместо нее в самой крови рождались жизнерадостность и веселье. Так всходит зерно в родной почве, под родным небом» [2] — «Mich zog es zuerst dichter ans Ufer <...> Je mehr und je länger ich um mich sah, desto freier konnte ich atmen, desto rascher füllte sich mein Herz mit Heiterkeit. <...> Bei dem bloßen Anblick des weichen hügeligen Landes gedieh die Lebensfreude und Heiterkeit statt der Schwermut aus dem Blut selbst, wie ein bestimmtes Korn aus einer bestimmten Luft und Erde» [11, S. 334].

Особую эмоциональную нагрузку приобретают воспоминания о родительском доме и родном городе. Квинтэссенцией здесь становится уже упоминавшийся образ матери. Невозможность встречи усугубляет общую грусть и тоску («Traurigkeit, Wehmut» [8, с. 134]) героини и способствует развитию весьма негативного отношения к окружающей (мексиканской) реальности: «Мое убежище в этой стране было слишком сомнительным и ненадежным, чтобы называться спасительной пристанью» [2] — «Um Rettung genannt zu werden, dafür war die Zuflucht in diesem Land zu fragwürdig und zu ungewiss» [11, S. 331]. Эту мысль в рассказе отчасти можно объяснить тем, что он был написан в 1942/43 гг. — за несколько лет до возвращения писательницы в Германию.

Героини Анны Зегерс несут в своей памяти образы и ощущения родного пространства, убежища, приюта. Однако эти понятия лишь опосредованно связаны с определенной страной или городом. Крисанта не придает большого значения месту, где живет, Нетти никогда не сможет вернуться в прежнюю Германию, а сама писательница в воспоминаниях отзывается о Мексике с большей теплотой, чем о стране, где родилась и где все так сильно изменилось после войны. Родина остается лишь в воспоминаниях. И в этом особый трагизм судьбы эмигранта.

Библиографический список

Литература

1. Зегерс А. Крисанта. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=203920&p=1> (дата обращения: 15.12.2020).
2. Зегерс А. Прогулка мертвых девушек. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=170851&p=1> (дата обращения: 10.12.2020).
3. Красовицкая Ю. В. Аудиобиблиотека онлайн и ее ресурсы для изучения немецкого языка на всех уровнях // Преподавание иностранных языков и новые подходы к академическому сотрудничеству в эпоху интернета: сб. науч. тр. и мат-лов Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 26 марта 2018 г. М.: РЕЛОД, 2018. С. 32–39.
4. Красовицкая Ю. В. Политический аспект в драме немецкого экспрессионизма // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2018. № 2 (30). С. 15–21.
5. Чупрына О. Г., Баранова К. М., Меркулова М. Г. Судьба как концепт в языке и культуре // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2018. № 3 (56). С. 120–125.
6. Bernstorff W. V. Fluchtorte: Die mexikanischen und karibischen Erzählungen von Anna Seghers. Göttingen, 2006. 280 S.
7. Kießling W. Brücken nach Mexiko: Traditionen einer Freundschaft. Mitarb.: Rainer Thuss; Berlin: Dietz, 1989. 595 S.
8. Krasavsky N. A. Philosophical and conceptual presentation of the emotional cluster of sadness: Metaphorization of German artistic consciousness / N. A. Krasavsky et al. // *Xlinguae*. 2020. T. 13. № 3. С. 134–144.
9. Seghers A. An Johannes R. Becher, Mexico City, 6.4.1946 // Briefwechsel. Briefe 1909–1958 an Johannes R. Becher, 2 Bde. Hg. von Rolf Harder. Bd. 2. Berlin und Weimar: Aufbau, 1993. 304 S.
10. Seghers A. Crisanta // Erzählungen, hg. und mit Nachworten versehen von Sonja Hilzinger, 6 Bände, Berlin 1994. S. 9–34.
11. Seghers A. Der Ausflug der toten Mädchen // Seghers A. Gesammelte Werke in Einzelausgaben, Band 9. Erzählungen 1926–1944. Berlin und Weimar: Aufbau, 1981. S. 331–362.
12. Seghers A. Hier im Volk der kalten Herzen. Briefwechsel 1947, 2. Auflage. Hg. von Christel Berger. Berlin, 2000. 281 S.
13. Zehl Romero Ch. Anna Seghers und Simone de Beauvoir: littérature engagée von Frauen // *Argonautenschiff*. 1996. № 5. S. 153–170.
14. Zehl Romero Ch. Anna Seghers. Eine Biographie 1900–1947. Berlin: Aufbau-Verl., 2000. 560 S.

References

1. Zegers A. Krisanta. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=203920&p=1> (accessed: 15.12.2020).
2. Zegers A. Progulka mertvy`x devushek. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=170851&p=1> (accessed: 10.12.2020).
3. Krasoviczkaya Yu. V. Audiobiblioteka onlajn i ee resursy` dlya izucheniya nemeczkogo yazy`ka na vsex urovnyax // Prepodavanie inostranny`x yazy`kov i novy`e podxody` k akademicheskomu sotrudnichestvu v e`poxu interneta: sb. nauch. tr. i mat-lov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Moskva, 26 marta 2018 g. M.: RELOD, 2018. S. 32–39.
4. Krasoviczkaya Yu. V. Politicheskij aspekt v drame nemeczkogo e`kspressionizma // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoe obrazovanie. 2018. № 2 (30). S. 15–21.
5. Chupry`na O. G., Baranova K. M., Merkulova M. G. Sud`ba kak koncept v yazy`ke i kul`ture // Voprosy` kognitivnoj lingvistiki. Tambov, 2018. № 3 (56). S. 120–125.
6. Bernstorff W. V. Fluchtorte: Die mexikanischen und karibischen Erzählungen von Anna Seghers. Göttingen, 2006. 280 S.
7. Kießling W. Brücken nach Mexiko: Traditionen einer Freundschaft. Mitarb.: Rainer Thuss; Berlin: Dietz, 1989. 595 S.
8. Krasavsky N. A. Philosophical and conceptual presentation of the emotional cluster of sadness: Metaphorization of German artistic consciousness / N. A. Krasavsky et al. // Xlinguae. 2020. T. 13. № 3. С. 134–144.
9. Seghers A. An Johannes R. Becher, Mexico City, 6.4.1946 // Briefwechsel. Briefe 1909–1958 an Johannes R. Becher, 2 Bde. Hg. von Rolf Harder. Bd. 2. Berlin und Weimar: Aufbau, 1993. 304 S.
10. Seghers A. Crisanta // Erzählungen, hg. und mit Nachworten versehen von Sonja Hilzinger, 6 Bände, Berlin 1994. S. 9–34.
11. Seghers A. Der Ausflug der toten Mädchen // Seghers A. Gesammelte Werke in Einzelausgaben, Band 9. Erzählungen 1926–1944. Berlin und Weimar: Aufbau, 1981. S. 331–362.
12. Seghers A. Hier im Volk der kalten Herzen. Briefwechsel 1947, 2. Auflage. Hg. von Christel Berger. Berlin, 2000. 281 S.
13. Zehl Romero Ch. Anna Seghers und Simone de Beauvoir: littérature engagée von Frauen // Argonautenschiff. 1996. № 5. S. 153–170.
14. Zehl Romero Ch. Anna Seghers. Eine Biographie 1900–1947. Berlin: Aufbau-Verl., 2000. 560 S.

Yu. V. Krasoviczkaya

Escape and Comeback: the Phenomenon of Emigration in Anna Seghers' Stories

Taking Anna Seghers' works — “Crisanta” and “The Excursion of the Dead Girls” as the example — the article deals with the understanding the phenomenon of emigration. The famous German writer was forced to leave Germany after the National Socialist Party came to power. Personal experiences had a crucial impact on her artistic world. The analysis of female images in the novel and short story allows us to get a better idea of the psychology of an exile and leads to rethinking the concepts of *homeland*, *native home*.

Keywords: emigration; comeback; homeland; female image; autobiographical traits.